

0-791914

На правах рукописи

МБент

БЕНТ Мария Марковна

**МЕТАФОРА В ПОЭЗИИ ТОМАСА СТЕРНЗА ЭЛИОТА 1910-20-х гг.
В СВЕТЕ ЕГО ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(английская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

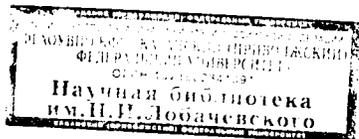
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2011

Работа выполнена на кафедре международных коммуникаций
ФГБОУ ВПО «Южно-Уральского государственного университета» (национальный исследовательский университет)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Решетов Владимир Григорьевич

доктор филологических наук, профессор
Ушакова Ольга Михайловна

Ведущая организация:

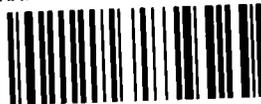
ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Защита диссертации состоится «23» ноября 2011 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Автореферат разослан « 21 » октября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000710644

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Л.А. Назарова".

Л.А. Назарова

Представленная работа посвящена научной проблеме, находящейся на стыке истории литературы, поэтики и лингвистики, – исследованию метафоры в поэзии Т.С. Элиота 1910-20-х гг. Художественный текст, в особенности поэтический, метафоричен по определению. В сущности, вся литература вырастает из метафорического образа мира.

Избранный нами автор, Т.С. Элиот, знаменит не только как поэт XX в., получивший Нобелевскую премию «за приоритетное новаторство в становлении современной поэзии», но и как литературный критик и теоретик культуры. Трудно представить себе поэтические тексты, более нуждающиеся в теоретическом обосновании и комментировании, нежели наследие Элиота. Как видный теоретик современной поэзии, Элиот заложил основы новаторского прочтения поэтических текстов.

Деления на отечественную и зарубежную теорию метафоры, строго говоря, не существует, разные ученые отдают предпочтение той или иной точке зрения на метафору. Теоретики метафоры рассматривают ее с позиций нескольких наук и нескольких областей знания (например, философии, культурологии и психологии). Внимание уделяется природе метафоры и механизмам ее образования. Мы не только не игнорируем запас информации, накопленной предшественниками, но и считаем необходимым концептуально изложить историю вопроса и основные положения теории метафоры, все, что касается происхождения метафоры, видов и роли в формировании художественного текста.

Актуальность данного исследования определяется:

1) недостаточной изученностью метафор в поэзии Т.С. Элиота и связанной с этим необходимостью исследовать роль метафоры в свете его эстетической теории, поскольку такая задача ранее не ставилась;

2) необходимостью представить на примере метафоры как мировоззренческой категории поэтическое мышление Элиота в контексте его эпохи и специфики модернистского сознания;

3) необходимостью выстроить классические и современные теории метафоры в концептуальном плане, чтобы применить их к анализу творчества Т.С. Элиота.

Цель работы заключается в том, чтобы изучить на примере поэтического творчества Т.С. Элиота 1910-20-х гг. широкий спектр метафорических возможностей поэзии XX в. Для достижения данной цели выдвигаются следующие задачи:

1) исследовать теоретические работы Т.С. Элиота для создания общей концепции его поэтического творчества;

2) рассмотреть классические и современные теории метафоры;

3) проанализировать стихотворные тексты с точки зрения художественной выразительности, создаваемой метафорами, и проследить, как «мифологический метод» Элиота создает метафорическую картину мира в его произведениях;

4) проследить механизм использования метафоры в одной из наиболее авторитетных поэтических систем современности, т.е. в творчестве Элиота;

5) провести типологию метафор в произведениях Элиота с целью выявления их специфики в эпоху модернизма.

Теоретическую базу исследования составляют работы видных представителей литературоведения и лингвистики, семиотики художественного творчества, мифологической школы и философии, как зарубежных (К. Бидиент, М. Блэк, К. Брукс, К. Бюлер, Ю. Гудхарт, Н.Ф. Кантор, Э. Кассирер, Х. Кеннер, Дж. Лакофф и М. Джонсон, С.Р. Левин, К. Леви-Строс, М. Норт, М.Дж. Редди, А.А. Ричардс, Г. Смит, Дж. Фрззер, К. Шмидт, К.Г. Юнг и др.), так и отечественных (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.Г. Гак, В.М. Жирмунский, Ю.М. Лотман, А.А. Потебня, В.Н. Телия, Р.О. Якобсон, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, Г.Э. Ионкис, Т.Н. Красавченко, Д.А. Иванов, О.М. Ушакова, А.А. Аствацатуров, О.И. Половинкина и др.).

Объектом данного исследования являются стихотворные произведения Т.С. Элиота 1910-20-х гг., периода становления модернистской эстетики

и критики, а предметом – метафора в поэзии Элиота в свете его эстетической теории, специфика использования метафор и механизмы их реализации.

В зависимости от поставленных задач, использовались следующие методы исследования: историко-культурный метод, сравнительно-типологический метод, структурный метод, метод контекстуального анализа, метод интерпретативного анализа метафорического поля, а также метод синтактико-семантического анализа и др.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые:

- 1) производится системный анализ метафор в творчестве Элиота 1910-20-х гг.;
- 2) выявляется специфика метафор в конкретном поэтическом тексте и предлагается их типология;
- 3) осуществляется параллельная классификация метафор в произведениях Т.С. Элиота с позиций разных теорий (теории сравнения, теории интеракции, теории модусов и др.).

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что его теоретические положения и практические результаты могут быть использованы в преподавании курсов «История зарубежной литературы XX в.», «История английской и американской литератур», а также в подготовке спецкурсов и семинаров по теории и истории литературы и по теории языка.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Элиот выработал новаторский подход к оценке классического и современного ему литературного процесса в соответствии с теорией «имперсональной поэзии», понятиями «объективного коррелята» и «распада цельности мировосприятия»;
- 2) метафора является основной категорией, создающей образно-мифологическую картину мира в поэзии Т.С. Элиота;

3) сложные метафорические структуры на всем протяжении стихотворного текста реализуются через систему частных метафор, которые, в свою очередь, формируют целостную метафору текста;

4) анализ метафор в произведениях Т.С. Элиота позволяет выделить несколько повторяющихся мотивов (одиночества, «суинизации» человечества, Бесплодной земли, Полых людей), подтверждая преемственность не только авторской, но и литературной традиции модернизма в целом.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета, а также во время выступлений с докладами на 5-ти международных и всероссийских научных конференциях: «Ломоносов-2006» (Москва, МГУ), «Пуришевские чтения» (Москва, МПГУ, 2006), Европейская конференция «Интертекстуальность в культуре авангарда» (РГГУ, ИМЛИ РАН, 2006), «Теоретические и методологические исследования функционирования языка» (Оренбург, ОГПУ, 2011), «Пятое Лазаревские чтения: “Лики традиционной культуры”» (Челябинск, ЧГАКИ, 2011), а также в летней школе Эдинбургского университета «Текст и контекст: британская и ирландская литература с 1900 по настоящее время» (2005, 2006).

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Основное содержание работы

Литературно-критическое наследие Элиота в несколько раз превосходит по объему его поэтическое творчество и может рассматриваться как парадигма этого творчества, поэтому есть необходимость предпослать исследованию места и роли метафоры в поэтических текстах, рассуждениям об отдельных темах и мотивах стихотворений и поэм ряд теоретических замечаний, касающихся не только аспектов изучения творчества Элиота в нашей стране и за рубежом, но и основных понятий общеэстетического порядка. В первой главе «Опыт теоретического введения в поэзию Т.С. Элиота» мы

предполагаем рассмотреть понятие и сущность литературной критики в трактовке Элиота, его взгляд на сущность поэзии в статьях о поэтическом творчестве его литературных предшественников и современников, его понимание метафоры как поэтического приема и, наконец, его концепцию культуры, религии, классики и индивидуального таланта.

1.1. Элиот-критик о поэзии: литературно-критическое наследие Т.С. Элиота как парадигма поэтического творчества

1.1.1. Понятие и сущность литературной критики у Т.С. Элиота. В эстетике Элиота теория «имперсональной поэзии», как и понятие «объективного коррелята», является центральной, основополагающей.

В статье «Традиция и творческая индивидуальность» (1919) Элиот определяет *индивидуальность автора* не как абсолютную новизну формы и содержания, но как *сочетание опыта писателей прошлых эпох со своим собственным* и попытку «*деперсонализации*» этого опыта. «Поэзия – это не простор для эмоций, а бегство от эмоций, и это не выражение личного, а бегство от личного», – замечает Элиот¹ (*здесь и далее курсив наш*).

Способом художественного выражения эмоции, по Элиоту, служит нахождение «*объективного коррелята*», то есть «*набора объектов, ситуаций, цепи событий, которые бы служили формулой этой самой эмоции*»². Поэт, не имея возможности передать читателю свои эмоции, прибегает к посредничеству внешних факторов, которые при сходных обстоятельствах вызывают сходные чувства.

Критика самого Элиота носит специфический характер. Это отнюдь не анализ самих художественных текстов, это размышление о поэзии вообще, в ее философском и эстетическом значении. Это подлинно жанр эссе, то есть рассуждение в связи с творчеством того или иного автора или философские размышления о назначении поэзии.

¹ Элиот, Т.С. Избранное: Стихотворения и поэмы; Убийство в соборе: Драма; Эссе, лекции, выступления. – М., 2002. – С. 214.

² Там же. – С. 339-340.

1.1.2. История поэзии по Т.С. Элиоту: Данте, Шекспир, Гете, Байрон, Шелли, Китс, Э. По, Киплинг, Йейтс, Э. Паунд. Лучшим в своей литературной критике Элиот считает эссе о поэтах, оказавших на него влияние. На протяжении ряда лет Элиот пишет «именные» статьи. Назовем некоторые из них: «Эзра Паунд: его стих и поэзия» (1917), «Гамлет и его проблемы» (1919), «Данте» (1929), «Шарль Бодлер» (1930), «Вордсворт и Кольридж» (1932), «Шелли и Китс» (1933), «Байрон» (1937), «Йейтс» (1940), «Редьярд Киплинг» (1941), «От По к Валери» (1948), «Гете как мудрец» (1955) и др. Эти статьи интересны как осознание Элиотом собственного поэтического «лица». Если выстроить эти статьи не в хронологии написания, а в хронологии персоналий, мы обнаружим, что Элиот формирует собственную историю поэзии.

Элиот определяет значение термина «*Великие европейцы*». К ним он относит Данте, Шекспира, Гете и называет три общие характеристики: *изобилие, размах и единство*. К трем названным характеристикам Элиот затем прибавляет *универсальность*.

Исследовательская отвага Элиота способна разрушить авторитет Байрона, Шелли или Э. По, предложить новое прочтение уже известных поэтических шедевров, таких как «Божественная комедия» Данте. Элиот не боится упреков в дилетантизме, потому что поэт сам себе критик. Поэтому и история поэзии, предложенная Элиотом, выглядит свежо и оригинально как в глазах современников Элиота, так и современного исследователя его поэзии.

1.1.3. Понятие метафоры у Т.С. Элиота. В своей ранней статье «Очерки по современной критике» (1918) Элиот говорит о метафоре: «*Здоровая метафора умножает силу языка*»³. При этом хорошая метафора тем и хороша, что нельзя отделить ее метафорическое значение от конкретного, обыденного.

Метафора, сравнение, концепт трактуются Элиотом как опознавательные знаки поэтов-метафизиков. Поэты-метафизики из своего века протяги-

³ Eliot, T.S. *Studies in Contemporary Criticism*. // *The Egoist*. 1918. Vol. V. №9. – P. 114.

вают руку поэтам нового времени поверх романтических произвола и поэтической безответственности.

Сопоставляя Данте и Шекспира, говоря о языке и стиле Данте, Элиот использует понятия аллегии и метафоры, противопоставляя их друг другу: *«аллегория с метафорой не в ладу»*, – и добавляет: *«вся поэма Данте – огромная метафора, и в ее стихах отдельным метафорам места нет»*⁴. Как поэтический прием, метафора у Элиота оказывается на периферии понятий аллегии и сравнения. Однако важнее другое: Элиот допускает наличие тотальной метафоры, когда метафорой становится весь текст.

1.1.4. Поэт как критик культуры. Взгляд Элиота на культуру включает в себя понятия религии и традиции. Наблюдая упадок христианской морали в современном ему обществе, Элиот задается вопросом о будущем его культуры. Христианство – это механизм, в рамках которого привыкло развиваться западное общество, и равносильной альтернативы ему, по мнению Элиота, пока не найдено.

Трактовка традиции как связи с религией, целостной и законченной, – это мировоззренческий смысл понятия традиции у Элиота. В литературоведческом плане стремление Элиота соотнести понятие традиции с современной ему литературой привело к выработке концепции «имперсональной поэзии». Эта концепция была раньше всего заявлена в статье «Традиция и творческая индивидуальность».

Что касается термина «классик», то автор снабжает его «опознавательными знаками»: зрелось ума, нравов, языка и совершенство общего стиля.

С точки зрения Элиота, понятие культуры предполагает не только индивидуальный уровень развития, но и уровень развития социальной группы, класса и общества в целом.

Таким образом, понятия культуры, традиции, религии являются ключевыми в мировоззрении Элиота. Элиот как представитель модернизма отождествляет себя не только с американским или английским самосознанием.

⁴ Элиот, Т.С. Избранное. Т. I-II. Религия, культура и литература. – М., 2004. – С. 301.

Также как и другой крупнейший представитель англоязычного модернизма Дж. Джойс, Элиот мыслит в категориях космополитизма как *единого европоцентричного* и, шире, *всемирного культурного сознания*. Элиот мыслит категориями глобальными и универсальными, и в этом смысле его трактовка понятий культуры, традиции и религии оказывается остро современной и в нашу эпоху. В начале же XX века Элиот фактически становится ведущим теоретиком в выработке этих понятий.

1.2. Современное литературоведение об Элиоте: новые аспекты

1.2.1. Зарубежные исследования творчества Т.С. Элиота. Современное зарубежное элиотоведение носит обширный характер. Нами освоено более ста англоязычных работ, не переведенных на русский язык. Среди них и обширные монографии, и сборники статей. В настоящем разделе мы не претендуем на то, чтобы создать полный очерк зарубежных исследований. Большую часть работ по мере необходимости мы используем в отдельных главах диссертации. В настоящем разделе мы рассмотрим некоторые аспекты, которые нам необходимы для осознания специфики становления метафорического мышления Элиота. Это отношение Элиота к религии в оценке зарубежной критики, а также Элиот и его литературные предшественники, Элиот и его литературные современники.

1.2.2. Отечественные исследования творчества Т.С. Элиота. В 1970-е гг. начинается, а в 1980-90-е гг. активизируется научное изучение поэзии Элиота в нашей стране. Это, в частности, диссертации и монографии И.К. Кочетковой, Т.Н. Красавченко, Г.Э. Ионкис, Т.Д. Кобахидзе, А.А. Аствацатурова, Д.А. Иванова, О.И. Половинкиной и О.М. Ушаковой.

Вторая глава носит название **«Исследование метафоры как теоретическая проблема в зарубежной и отечественной науке»**. В настоящей главе мы попытаемся выстроить теорию метафоры в концептуальном плане.

Интерес к метафоре в общекультурном дискурсе актуализировался на рубеже XIX – XX вв. благодаря интенсивной интервенции, в первую очередь, духовного знания. Видную роль в этом процессе сыграли работы В. Дильтея,

который, наряду с Ф. Ницше и А. Бергсоном, формировал специфическую философию жизни. Приемы и инструментарий современной гуманитарной науки опираются на основополагающие философские тексты наук о духе. *Теория метафоры оказывается созвучной философии.*

Среди зарубежных исследований выделяется коллективная монография 'Metaphor and Thought' («Метафора и мысль», 1979), плод совместной работы европейских и американских ученых, философов, культурологов, психологов, филологов. Кроме того, нами активно привлекались другие монографии и отдельные статьи этих и прочих зарубежных исследователей.

В отечественной науке основополагающими для изучения метафоры являются два издания: одно на основе отечественных исследований («Метафора в языке и тексте», 1988), другое представляет изучение метафоры за рубежом («Теория метафоры», 1990).

2.1. Зарубежные исследования метафоры. Первое определение метафоры было дано Аристотелем в его «Поэтике»: «Переносное слово, или метафора, есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии»⁵. Аристотелевское понимание метафоры принято называть теорией сравнения (теорией уподобления).

До недавнего времени в зарубежной лингвистике была наиболее распространена интеракционистская концепция метафоры (an interaction theory of metaphor). Ее основоположниками являются А.А. Ричардс и М. Блэк, причем первый опирается в своих исследованиях на понятия психолингвистики, а второй – на логические понятия.

Для подробного рассмотрения теории метафоры А.А. Ричардс вводит два рабочих понятия: содержание (tenor) и оболочка (vehicle). А.А. Ричардс пытается детально рассмотреть, что происходит в нашем сознании при объединении предметов, относящихся к двум отличным друг от друга сферам опыта.

М. Блэк выделяет в метафорическом обороте фокус (*focus*) метафоры и его окружение, контекст, или рамку (*frame*). В соответствии с тремя точками

⁵ Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб., 2000. – С. 54.

зрения на метафору, М. Блэк предлагает выделять метафоры-субституты, метафоры-сравнения и метафоры взаимодействия.

Ф. Уилрайт предлагает термины «эпифора» и «диафора», первый из которых встречается еще в аристотелевской «Поэтике», обозначая «перенесение» (*epiphora*) имени с объекта, обозначенного этим именем, на некоторый объект. Эпифора предполагает наличие некоего исходного понятия, образа или концепта, «буквальной» основы для дальнейших операций. Что касается диафоры, то в ней новое значение возникает в результате простого соположения.

Особый интерес представляют психологические исследования метафоры К. Бюлера, которые в дальнейшем легли в основу работ представителей Пражского лингвистического кружка, в частности Р.О. Якобсона.

Асемантический подход (*no-semantics approach*) к теории метафоры получил свое развитие в работах Д. Дэвидсона. Главное положение теории Д. Дэвидсона сформулировано таким образом: «Метафоры означают только то, что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении»⁶.

Согласно «прагматической» теории метафоры Дж. Серля, процесс интерпретации делится на три этапа: выявление метафоры, формулировка возможных значений и сужение круга значений до единственно возможных в данном контексте (в теории Дж.А. Миллера это соответствует процессам узнавания, реконструкции и интерпретации).

В теории М.Дж. Редди метафора выступает как канал передачи мыслей и чувств от одного человека другому посредством речи и письма, при этом адресат сообщения вновь извлекает из сообщения мысли и чувства передавшего их индивида.

Отвергая взгляд на метафору как на сугубо поэтическое и риторическое выразительное средство, Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии»⁷. Кроме того, Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют структурные, ориентационные и онтологические метафоры.

⁶ Дэвидсон, Д. Что означают метафоры: Пер. с англ. // Теория метафоры: сборник. – М., 1990. – С. 173.

⁷ Лакофф, Д., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник. – М., 1990. – С. 387.

В теории литературной метафоры С.Р. Левина раскрывается возможность изменения не только смысла высказывания посредством метафоры, но и всего окружающего мира за счет того, что реципиент метафоры должен попытаться вообразить мир, в котором метафорическое выражение стало бы истинным, буквальным.

2.2. Современные отечественные исследования метафоры. Н.В. Черникова выделяет основные модели метафорического переноса для разных частей речи. Наиболее продуктивно в этом отношении имя существительное. Метафорические значения глагола образуются по одной регулярной модели: метафорический перенос, основанный на сходстве функций.

С опорой на общую типологию языковой образности Ш. Балли, который различал конкретно-чувственный образ, ослабленный (эмоциональный) образ и мертвый образ, В.Г. Гак предлагает применить эти три степени образности к метафорическим переносам.

В своей статье «Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция» В.Н. Телия задается вопросом, почему именно метафора среди всех остальных тропов наиболее продуктивна в сфере эмоционального воздействия, заключается ли это ее свойство во внутренней форме высказывания или зависит от контекста.

Н.Д. Арутюнова выделяет общие черты метафоры и «поэтического дискурса».

2.3. Общеэстетические аспекты исследования метафоры в отечественном и зарубежном языкознании. Метафора – готовый языковой материал для психоанализа. По мнению З. Фрейда, способом существования и организации области бессознательного является метафорический перенос. В книге «Слово и миф» А.А. Потебня рассуждает на тему того, что было первично – мифологические представления или их словесное выражение. Согласно А.А. Потебне, «миф принадлежит к области поэзии в обширном смысле это-

го слова»⁸. Метафора, по мнению Э. Кассирера, создает духовную связь между языком и мифом.

Третья глава «Специфика метафорического в поэзии Т.С. Элиота как представителя модернизма» посвящена анализу метафор в творчестве Т.С. Элиота 1910-20-х гг.

3.1. «Современный контекст» поэзии Элиота: развитие англоязычной поэзии в эпоху модернизма

3.1.1. Сущность модернизма. Обращаясь к творчеству Элиота, необходимо дать общее представление о сущности модернизма. Собственно говоря, сам Элиот в статье о Джойсе («Улисс», порядок и миф») очень емко определяет перемены в искусстве и литературе. Он говорит о замене «повествовательного метода» (*narrative method*) «мифологическим методом» (*mythic method*).

Нами была изучена обширная литература по модернизму, в том числе труды таких исследователей, как Х. Ортега-и-Гассет, К. Брукс, Ю. Гудхарт, Н.Ф. Кантор, М. Норт, М.Г. Уитворт, С. Шварц и др. Они выделяют несколько общих тенденций в литературе и искусстве начала XX в.: склонность к фрагментарности, дробности и незаконченности; стремление найти новые ценности, сбалансировать баланс между привычными понятиями и новыми идеями; элитарность; поиски новых эстетических форм отражения действительности; перемещение центра внимания с автора на его творчество; литературная критика в период модернизма обретает почти универсальную значимость; внимание к технологическому прогрессу; возникновение интереса к микрокосму и т.п.

3.1.2. Новое восприятие действительности: трагический персональный опыт первой мировой войны. В нашей работе мы рассматриваем поэзию Элиота раннего периода творчества, который охватывает 1910-20-е гг. Центральным событием эпохи становится первая мировая война. По сути, Элиот в своем раннем творчестве, в особенности в «Бесплодной земле» и

⁸ Потебня, А.А. Слово и миф. – М., 1989. – С. 259.

«Полых людях», создает огромную метафору трагического опыта человека своего времени. Сопрягая между собой эстетические тенденции своей эпохи – поэзию «георгианцев» и «окопную школу», – Элиот вырабатывает собственную модель действительности.

3.1.3. В поисках мифа: Шеллинг, Вагнер, Ницше, Фрейд, Фрззер, Юнг, Леви-Брюль, Леви-Строс. Совмещение мифа и литературного текста: «Бесплодная земля» Т.С. Элиота. Культура и искусство начала XX века находились в поисках мифа. Достаточно назвать несколько имен для того, чтобы понять масштабы явления и его распространенность: это, прежде всего, Дж. Джойс с его романом «Улисс» (1922), Т.С. Элиот, автор мифологической поэмы «Бесплодная земля» (1922) и Т. Манн с тетралогией «Иосиф и его братья» (1930-1941). Всплеск интереса к мифу в XX в. связан с трудами Дж. Дж. Фрззера («Золотая ветвь», 1890-1915), а также Л. Леви-Брюля («Первобытное мышление», 1922, и «Сверхъестественное в первобытном мышлении», 1931), Э. Кассирера («Философия символических форм», 1923-1929), К. Леви-Строса («Структурная антропология», 1958).

Исследователи неоднократно обращались к изучению мифологического в произведениях Элиота, в особенности в поэме «Бесплодная земля». Они пытались совместить два текста – «Золотую ветвь», где речь идет о культе языческих богов Таммуза, Осириса, Адониса, Аттиса и Диониса, и «Бесплодную землю».

3.2. Особенности реализации метафоры в поэтическом творчестве Т.С. Элиота. В настоящем разделе мы обращаемся к анализу метафор у Элиота на примере конкретных произведений. Нами были выбраны ранние произведения Элиота – сборники стихов «Пруфрок и другие наблюдения» (1917), «Стихотворения» (1920), а также центральные произведения в творчестве Элиота – поэма «Бесплодная земля» (1922) и последовавшая за ней поэма «Полые люди» (1925). Поэтическое творчество Элиота 1910-20-х гг. образует ядро всей его художественной системы.

3.2.1.1. «Пруфрок и другие наблюдения» (1917). Первый сборник состоит из двенадцати стихотворений, неоднородных по объему. Заглавным

произведением сборника является стихотворение «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока». Эпиграф из Данте отсылает нас к гамлетовскому монологу «Быть или не быть» и к сцене воскрешения Лазаря в Евангелии от Иоанна, таким образом задавая в качестве центральной тему жизни и смерти. А между тем, в самом стихотворении эта тема маскируется под тему протеста против обывательской жизни. Рассмотрим подробнее механизм образования метафор в этом стихотворении:

The evening is spread out against the sky / Like a patient etherized upon a table – «Простерся вечер над землей, / Как пациент под маской на столе» (перевод И. Кашкина) представляет собой метафору-сравнение, эпифору (в терминологии Ф. Уилрайта), несущую в себе черты антропометричности. Фокусом метафоры является словосочетание *spread out*, таким образом, метафора глагольная, основанная на сходстве «функций» «вечера» и «пациента». По словарю *spread out* имеет такие значения: 1. растягиваться, вытягиваться; расширяться; 2. рассыпаться; рассредоточиваться; или варианты поэтического перевода – «простирается» (перевод И. Кашкина), «лежит» (перевод Я. Пробштейна), «навзничью распяло» (перевод В. Топорова). Все эти слова вполне применимы к физическим объектам, но *вечер* является скорее временем суток и ощущением, ассоциируемым с ним, нежели чем-то вещественным. Таким образом, выражение *the evening is spread out against the sky* – уже метафора, в отличие от своих компонентов, взятых порознь. Сравнение вечера с пациентом на столе хирурга призвано еще больше усилить ощущение метафоричности, нереальности, одушевленности неодушевленной среды.

Мы также можем сокращенно представить данную метафору в виде структурной метафоры по Лакоффу-Джонсону *evening is a patient* («вечер – пациент»), поскольку предполагается, что дальнейшее описание вечера будет вестись в медицинских терминах, заимствованных у «пациента».

Метафорический ряд в «Пруфроке» носит общеэкзистенциальный характер. Элиот подчеркивает гамлетовскую сущность заурядного человека, поэт взрывает метафорическим рядом обыденную действительность, застав-

ляет посмотреть на повседневные предметы быта со стороны, увидеть в них экзистенциальную сущность.

За «Любовной песнью Дж. Альфреда Пруфрока» в сборнике следует стихотворение «Портрет дамы», вместе они образуют диптих. Лирические герои обоих стихотворений меньше всего являются таковыми и иронически разоблачаются Элиотом. Гамлетовская модель поведения не срабатывает в отношении людей малосодержательных и пустых. Масштаб личности не дает им подняться до уровня гамлетовских вопросов. Рассмотрим пример метафоры, создающей образность в данном стихотворении:

to hear the latest Pole / transmit the Preludes, through his hair and fingertips – букв. «чтобы услышать, как «новейший» [недавняя знаменитость] поляк пропустит прелюдии через свои волосы и кончики пальцев». Наиболее удачный, по нашему мнению, поэтический вариант перевода – «как ставший знаменитостью поляк / Играл прелюдии, объятый вдохновеньем от корней / Волос до кончиков ногтей» (перевод Я. Пробштейна). Это простая глагольная метафора с фокусом в слове *transmit* – «пропустит». Слово *transmit* имеет следующие значения: 1. сообщать, рассказывать; 2. передавать; 3. посылать, отправлять; 4. проводить, пропускать (тепло, ток и т.п.). Таким образом, скрипач в данном случае выступает как некий человек-проводник, который не играет, но пропускает через себя музыку и эмоции; он – это неодушевленная трансформаторная подстанция, которая пропускает через себя звук. Стоит также отметить, что скрипач играет не что-нибудь, а *Preludes* (прелюды), словно предваряя следующее стихотворение того же сборника, и даже мозг героя играет свою собственную прелюдию *Inside my brain a dull tom-tom begins / Absurdly hammering a prelude of its own* – «В моем мозгу звучит тупой тамтам, / Бессмысленно долбит прелюдию свою» (перевод Я. Пробштейна).

Помимо метафор, в данном стихотворении встречаются случаи одушевления неодушевленных предметов, следствием чего становится подчеркнутое выражение нерешительности героя, например: *my smile falls heavily among the bric-a-brac* – букв. «моя улыбка тяжело падает среди антиквариата».

та». Иными словами, все именно так, как заявляет в начале стихотворения лирический герой, – *you have the scene arrange itself* – букв. «сцена сама себя организует», и вроде бы лирического героя здесь и нет, вернее, он прячется за неодушевленными предметами, словно желая сказать: здесь от меня ничего не зависит, жизнь складывается сама по себе.

Следует сказать несколько слов и о любимых образах Элиота, встречающихся не только в этом стихотворении, но и в других: дым и туман, свечи, скрипка, сирень, гиацинты в саду, лестница, октябрьская ночь и др. Поэт настойчиво переносит эти образы из произведения в произведение, выстраивая сквозную образную (если и не сюжетную) линию.

В стихотворении ‘*La Figlia che Piange*’ (в переводе с итал. «Плачущая девушка») описывается расставание лирического героя со своей возлюбленной. В этом стихотворении нами была отмечена следующая метафора: *Weave, weave the sunlight in your hair* – букв. «Вплети, вплети солнечный свет себе в волосы» – это простая глагольная метафора с элементами олицетворения (солнечный свет овеществляется, его можно не только увидеть, но и потрогать и «вплести» в волосы). У Элиота в ранних сборниках и поэмах довольно часто встречается сочетание образа женщины с распущенными волосами и природных явлений (ветер, солнечный свет).

Помимо метафоры, в заключительной строфе появляется образ, который в дальнейшем получит свое развитие в поэме «Бесплодная земля»: *Her hair over her arms and her arms full of flowers* – букв. «Волосы, спускающиеся по ее рукам, и ее руки, полные цветов». Более того, в «Бесплодной земле» сцена из ‘*La Figlia che Piange*’ словно продолжается, теперь уже в виде диалога. Если в ‘*La Figlia che Piange*’ лирический герой говорит *her hair* и *her arms* – «ее волосы» и «ее руки», то в «Бесплодной земле» это уже *your arms* и *your hair* – «твои руки» и «твои волосы», монолог стороннего наблюдателя переходит в диалог.

Для Элиота важно синестетическое восприятие действительности: описывая грязный город и неопрятных людей, он не может это сделать без до-

бавления сопутствующих «эффектов» – запахов, звуков, цветопередачи, указания времени суток и т.п.

3.2.1.2. Сборник «Стихотворения» (1920). Второй сборник поэзии Т.С. Элиота под названием *Ara Vos Prec* («Он просит Вас...») вышел в Англии в 1919 г. (в Америке он был издан под названием “Poems” («Стихотворения») в 1920 г.). В нем представлены размышления о жизни и смерти («Геронтион», «Шепотки бессмертия»), о религии («Гиппопотам», «Воскресная заутреня мистера Элиота»), а также о бесцельности и убожестве повседневной жизни («Бербэнк с Бедкером»). В этом сборнике впервые появляется имя Суини, который станет воплощением нового человека – Суини Эректуса (Суини прямостоящего) – как пародии на *homo sapiens* (человека разумного). Это стихотворения «Суини Эректус», «Пока не подали яйца», «Воскресная заутреня мистера Элиота» и «Суини среди соловьев».

Стихотворение «Геронтион» построено как монолог лирического героя, как поток сознания. Герой находится в ожидании ответственности за свою жизнь и в ожидании смерти. В идейном плане это стихотворение предваряет образ бесплодной земли. Одна из метафор, посредством которых осуществляется раскрытие этого и других образов, следующая:

Vacant shuttles / Weave the wind – букв. «Пустые челноки / Ткут ветер» – простая глагольная метафора, в которой ветер уподобляется невидимой пряже, которую можно соткать. В английском оригинале в метафоре присутствует и элемент звукописи *Vacant shuttles / Weave the wind* (по-русски менее точно по смыслу, но более выразительно в звуковом отношении было бы «Вольные челноки / Вьют ветер»), что создает впечатление мягкости и непрерывности вьющейся ветряной нити (подхватывание *w-v-w* – *weave the wind*).

Два эпиграфа к стихотворению «Гиппопотам» фактически предвосхищают зрелую публицистику Элиота о религии, в которой он рассматривает христианство как безальтернативную форму сохранения баланса и единства в современном обществе. В эпиграфах речь идет о единстве народа и духовенства и подчинении их церковной иерархии. Она дается церковью по божьему

благословиению через епископское рукоположение. С точки зрения Элиота, в современной церкви это единство утрачено. Образу Церкви иронически противопоставлен Гиппопотам.

3.2.2. Поэмы «Бесплодная земля» и «Полые люди»

3.2.2.1. «Бесплодная земля» (1922). В 1922 г. было опубликовано, пожалуй, самое популярное произведение Т.С. Элиота – поэма «Бесплодная земля». Хотя многие видели в ней лишь исповедь «потерянного поколения», у поэмы глубокий философский, религиозный и мифологический подтекст.

По словам Элиота, заглавие, план и символика поэмы были подсказаны ему книгой Дж.Л. Уэстон «От ритуалов к рыцарскому роману» (1920). Другим источником поэмы является труд известного английского этнографа Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». Многие исследователи «Бесплодной земли» склонны видеть в ней пять традиционных мотивов – опасное путешествие, Церковь, поиск (quest), легенду о Св. Граале и миф о Короле-Рыбаке.

Поэма «Бесплодная земля» состоит из пяти частей, сюжетно никак не связанных. В первой части поэмы, «Похороны мертвеца», развивается тема привлекательности смерти, апрель выступает «жесточайшим» месяцем, который вынуждает людей проснуться к жизни на бесплодной земле. Приведем пример метафоры:

Первые несколько строк *April is the cruellest month... spring rain* метафоричны, прежде всего, своей переключкой с начальными стихами «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера (1384) – *Whan that Aprille with his shoures soote...* Если мы разобьем эту развернутую метафору Элиота на несколько простых составляющих, то увидим, что апрель обретает в стихотворении волю, при помощи которой он «порождает», «выгоняет» сирень (в некоторых переводах фиалки) из зимней «мертвой» земли, тревожа их весенним дождем. Здесь нелишне будет упомянуть, что, согласно «Историко-этимологическому словарю современного английского языка», «язычники считали дождь мужским началом – жидкостью-семенем, которой Небо-

Божество оплодотворяет землю»⁹. Эпитеты *the cruellest month, the dead land, dull roots, forgetful snow* призваны усилить впечатление метафоричности. Словосочетание *dead land* перекликается как с названием самой поэмы *The Waste Land*, так и с названием ее первой части *The Burial of the Dead*, одновременно вызывая в памяти застывшие комья холодной земли.

В отличие от традиционных представлений, у Элиота жесток именно апрель, в то время как зима кутает корни в снегах забвения, сохраняя теплящуюся в растениях искру жизни. При этом стоит обратить внимание на активность сочетания *forgetful snow* – дословно это можно перевести как «забывчивый снег», но в поэтическом тексте оно обретает смысл «приносящий забвение», соответствующая помета – *позт.* – присутствует в словаре.

Вторая часть поэмы называется «Игра в шахматы». Помимо частных метафор, следует сказать о метафоричности второй части в целом. Заголовок третьей части «Огненная проповедь» соответствует проповеди Будды об отречении человека от земных страстей на пути к духовному очищению. Сам Элиот соотносил эту проповедь с Нагорной проповедью Христа. В четвертой части поэмы «Смерть от воды» вода понимается как дающая не только жизнь, но и смерть стихия. В пятой, заключительной, части поэмы «Что сказал гром» несколько параллельных сюжетов: путь учеников Христа в Эммаус (по дороге они говорят о Страстях Христовых от Гефсиманского сада до Голгофы), завершение истории о св. Граале и древнеиндийская притча из Упанишад.

3.2.2.2. «Полые люди» (1925). Поэма «Полые люди» (1925) является логическим продолжением «Бесплодной земли» как по основным темам (одиночество, серость жизни, ужас смерти), так и по поэтическому духу. «Полые люди» является уникальным в своем роде произведением, поскольку на протяжении текста длиной в 420 слов автор использует всего лишь 180 *разных* слов, что уже заранее определяет зашифрованный и метафорический характер поэмы.

⁹ Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь английского языка. – М., 1999. – С. 294.

3.2.3. Метафора в модернизме. Специфика эпического и лирического начал в поэзии Элиота. Для создания типологии метафор у Элиота мы рассмотрим еще два аспекта: понятие модернистской метафоры и трактовку специфики соотношения эпического и лирического начал в литературных произведениях.

На основании анализа метафор в творчестве Элиота 1910-20-х гг., трактовки модернистской метафоры в современной науке и соотношения лирического и эпического начал в литературном произведении мы выделим в качестве типологии метафор у Элиота с точки зрения содержания несколько составляющих и подтвердим эту типологию примерами:

1) метафоры, способствующие эпизации лирической формы

В ходе освоения окружающего мира средствами поэтического иносказания, модернистская метафора вытесняет лирическое начало и акцентирует эпическое содержание, создавая некий сюжет:

The jew squats on the windowsill, the owner, / Spawned in some estaminet of Antwerp, / Blistered in Brussels, patched and peeled in London – «На подоконнике примостился хозяин, еврей, – / Он вылупился на свет в притонах Антверпена, / Опаршивел в Брюсселе, залатан и отшелушился в Лондоне («Геронтион»; перевод А. Сергеева) – это развернутая эпическая биография эпизодического персонажа, в которой перечислены основные этапы человеческой жизни: рождение – «вылупился», «воспитание» (как в «воспитательном романе» – становление личности молодого человека) – «опаршивел», зрелость и старость – «залатан и отшелушился». В этой биографии также читатель легко реконструирует перемещения героя в пространстве: Антверпен – Брюссель – Лондон. Биография этого второстепенного персонажа может рассматриваться как парафраза биографии лирического героя-протагониста, Геронтиона, т.е. Элиот использует прием «сюжет в сюжете».

2) метафоры «распада цельности мировосприятия»

Эпоха модернизма декларирует состояние незавершенности, склонность к фрагментарности, новый историзм. Метафора у Элиота содержатель-

но создает образ этой новой истории. В терминах Элиота это *dissociation of sensibility* – «распад цельности мировосприятия». С помощью метафор Элиот создает оригинальные образы времени и пространства, в которых также можно увидеть специфику модернистской метафоры. Сошлемся на примеры:

The fragments of the afternoon – букв. «обломки дня» («Истерика») – метафора, которая создает образ фрагментарности времени и истории;

History has many cunning passages, contrived corridors / And issues, deceives with whispering ambitions, / Guides us by vanities – букв. «У истории много искусных проходов, хитрых коридоров / И проблем, обманывает, нашептывая честолюбивые замыслы, / Направляет нас тщеславиями» («Геронтион») – здесь история предстает не только как процесс, но как саморазвивающаяся система. При этом Элиот уходит от традиционного сопоставления истории с прямой или спиралью; как хитросплетение коридоров, история ведет неизвестно куда.

3) метафоры-аллюзии на классические литературные произведения

С точки зрения Лосева, основным предметом модернистской метафоры является не сама жизнь, а ее художественное изображение, «рефлексия над самой рефлексией»¹⁰. «Литературность» модернизма, цитатность, все формы аллюзий порождают специфическую примету модернистской метафоры. Метафоры Элиота изобилуют этой «литературностью» и нуждаются в подробном комментарии даже для рафинированного читателя:

To have bitten off the matter with a smile, / To have squeezed the universe into a ball / To roll it toward some overwhelming question – «С улыбкою прервав сидящих рядом, / В шар мироздание сдавить рукою / И к роковому покатыть вопросу» («Пруфрюк»; перевод Я. Пробштейна) – реминисценция из стихотворения Э. Марвелла 'To His Coy Mistress' («К стыдливой возлюбленной»): *Let us roll all our Strength, and all / Our sweetness, up into one Ball* – «Давай скатаем всю нашу силу и всю / Нашу свежесть в один шар». Элиот

¹⁰ Лосев, А. Ф. Модернистская модель // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология – 1996. – №1. – С. 142.

использует отношение Марвелла к любви как к игре для создания образа игрового отношения к действительности (скатать Вселенную в шар и подкатить ее к вечному вопросу).

4) метафоры, образность которых порождена мифом

Специфика модернистской метафоры заключается не только в ее «литературности», но и в погруженности в миф. Метафоры, связанные с мифом, занимают особое место в творчестве Элиота. Приведем пример:

insurgent gales which tangle Ariadne's hair and swell with haste the perjured sails – букв. «мятежный шторм, путающий волосы Ариадны и надувающий в спешке клятвопреступные паруса» («Суини Эректус») – образ шторма отсылает к мифу о Тесее и Ариадне, в котором героиня дважды нарушает данное слово: покидает Ариадну и забывает сменить паруса, чем вызывает смерть своего отца Эгея.

5) устойчивые метафоры-сквозные образы в поэзии Элиота, превратившиеся в мифологему эпохи модернизма

Весь обширный корпус метафор у Элиота позволяет предположить, что с их помощью Элиот создает собственные мифологемы: таковы образы Бесплодной земли, Полых людей, Суини, Церкви и т.п. Покажем превращение частной метафоры в мифологему:

While the True Church can never fail / For it is based upon a rock – «А Церковь Божия – нетленна: / Скала лежит в ее основе» («Гиппопотам»; перевод А. Сергеева) – библейский образ («И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» – Евангелие от Матфея, 16:18) создает в раннем стихотворении Элиота сравнение Церкви с домом, стоящим на скале, имеющим прочный фундамент. Это сравнение скрытно лежит в основе публицистических выступлений Элиота о роли Церкви в культуре и обществе. Образ Церкви-скалы появится у Элиота еще раз – в поздней драме «Скала».

Непосредственно проанализировав лирическое творчество Т.С. Элиота 1910-20-х гг., мы обнаружили в общей сложности свыше 100 метафор. Ис-

следовательская база формировалась методом сплошной выборки. В заключении на основе анализа метафор нами были сделаны следующие выводы:

1) в творчестве Элиота преобладают развернутые полные авторские метафоры с четко выделяемым фокусом (по М. Блэку);

2) согласно теории интеракции, в поэзии Т.С. Элиота выделяются как метафоры-субституты и метафоры-сравнения, так и метафоры взаимодействия;

3) через все произведения Элиота проходят эпифорические образы Суини, Бесплодной земли, Полых людей, которые соответствуют диафорическим образам в заглавиях соответствующих произведений;

4) некоторые элиотовские метафоры без труда преобразуются в структурные метафоры (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону);

5) с точки зрения принадлежности фокуса метафор к определенным частям речи преобладают номинативные (генитивные) метафоры, а также отдельные случаи адъективных и глагольных метафор;

6) метафоры в стихотворениях в основном двусторонние либо односторонние семасиологические;

7) впечатление, производимое большинством метафор, усиливается вследствие антропо- и зоометричности;

8) ряд метафор основан на сближении конкретных предметов и абстрактных понятий;

9) отвлеченные понятия в метафорах Элиота персонифицируются, у них появляются пространственно-временные координаты, как у материальных объектов;

10) трудность классификации и идентификации метафор у Элиота вызвана комбинацией метафоры с другими тропами (сравнениями, эпитетами) и их взаимопроникновением;

11) некоторые метафоры у Элиота продуцируют окказиональные значения слов;

12) Элиот использует прием оживления стертых метафор;

13) в ряде метафор можно обнаружить приемы звукописи и аллитерации;

14) многочисленные аллюзии и параллели с произведениями других авторов в общемировом культурном наследии вызывают необходимость глубокого изучения каждой метафоры на предмет содержания в ней нескольких подметафорических смыслов;

15) Элиот прибегает к созданию метафор-концептов в духе поэзии метафизиков XVII в.;

16) метафорический ряд разрушает традиционное восприятие мира и носит онтологический, общеэкзистенциальный характер;

17) метафора у Элиота есть форма создания иронической дистанции автора по отношению к лирическому герою и содержанию произведения;

18) метафорическая образность в ряде стихотворений не просто сквозная, зачастую она одна и та же.

Т.С. Элиот прекрасно осознавал культурологическую миссию своей поэзии, призванную сохранить «память языка». Метафоричность произведений Т.С. Элиота, по нашему мнению, заключается не столько в непосредственном использовании метафорических оборотов, сколько в подразумеваемых мотивах, всевозможных аллюзиях, мифологизированности авторского мышления, а также в самой слитности звучания стихотворений и поэм.

Наш опыт анализа метафоры в произведениях Т.С. Элиота может быть использован как методологическая основа и сумма приемов, применимых к другим текстам и этого автора, и других поэтов авангарда.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

I. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Бент, М.М. Метафора в раннем поэтическом творчестве Т.С. Элиота / М.М. Бент // Филологические науки. – М.: 2006, № 4. – С. 96–104.

2. Бент, М.М. Понятие метафоры в литературно-критической теории Т.С. Элиота / М.М. Бент // Вестник Челябинского государственного университета 2011. Филология. Искусствоведение. Выпуск 53. – 2011. – № 9 (224). – С. 3-6.

II. Другие публикации:

3. Бент, М.М. Томас Стернз Элиот. «Бесплодная земля»: метафорические образы и мотивы / М.М. Бент // XVIII Пуришевские чтения: Литература конца XX – начала XXI века в межкультурной коммуникации: Сборник материалов международной конференции (4-7 апреля 2006 года) / Отв. ред. М.И. Никола, отв. ред. выпуска В.Н. Ганин. – М.: МПГУ, 2006. – С. 12-13.
4. Bent, M.M. Metaphorical Imagery and Symbolism of T.S. Eliot's "The Four Quartets" and W.B. Yeats's "Sailing to Byzantium" / М.М. Bent // Ломоносов 2006. Материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 2006. – С. 264-267.
5. Бент, М.М. Понятие и сущность литературной критики у Т.С. Элиота и А.А. Ричардса / М.М. Бент // Studium Juvenis. Межвузовский сборник трудов молодых ученых [Текст] / Науч. ред. М.И. Окружная, отв. ред. Н.Н. Кошкарлова. – Выпуск 3. – Челябинск: СИМАРС, 2010. – С. 18-25.
6. Бент, М.М. Исследование метафоры в зарубежном языкознании: критика теории сравнения в XX веке / М.М. Бент // Теоретические и методологические исследования функционирования языка. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения и 50-летию преподавательской деятельности доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Николая Абрамовича Шехтмана. Оренбург, 17-18 февр. 2011 г.: сб. статей / Ред. коллегия: И.А. Горбачева (отв. ред.), М.А. Пахомова, Е.В. Синкина, Ю.П. Рудаева; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – С. 214-219.
7. Бент, М.М. «Традиция» и «индивидуальный талант» в связи с теорией имперсональной поэзии Т.С. Элиота / М.М. Бент // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25-26 февр. 2011 г.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н.Г. Алухтина. – Челябинск, 2011. – Ч. II. – С. 9-12.

10 ≈

Отпечатано в тип. «Фотохудожник»

г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1

Формат 60x84/16 Бумага офсетная. Усл. п.л. 1,75

Заказ № 0964, тираж 100 экз.

Подписано в печать 20.10.2011г.